ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РАЗНЫХ ВИДОВ ДИСКУРСА В ПОСОЛЬСКИХ РЕЧАХ ИВАНА III И АЛЕКСАНДРА ЯГЕЛЛОНЧИКА

О. В. Зуева

*Белорусский государственный университет,
ул. К. Маркса, 31, 220030, г. Минск, Беларусь, zujeva.volha@gmail.com*

Обосновывается полидискурсивная природа посольских речей как жанра дипломатической коммуникации конца XV – начала XVI вв. Описывается взаимодействие разных языков и разных деловых стандартов в посольских речах правителей Великого княжества Литовского и Великого княжества Московского; выявляются формулы, общие для посольских речей и средневекового эпистолярия; показывается несовпадение параметров «адресант/транслятор информации» и «адресат/бенефактив»; фиксируется проникновение в официальную коммуникацию лексических средств, характерных для частного межличностного общения.

Ключевые слова: дискурс; посольская речь; Великое княжество Московское; Великое княжество Литовское; текст; коммуникация.

Тексты посольских речей XV–XVI вв. представляют интерес для изучения в аспектах лингвостилистики, жанроведения, теории коммуникации, так как эти памятники фиксируют взаимодействие разных дискурсов (термин употребляется в его классическом значении «любые формы речевого взаимодействия между людьми»). Изданный в 1846 г. первый том «Актов, относящихся к истории Западной Руси» [1] содержит посольские речи, отражающие отношения между правителями двух государств – Великого княжества Литовского и Великого княжества Московского. Этот материал имеет большую важность для исторической русистики в Беларуси; он, в частности, актуализирует вопрос, считать ли стандарт деловой письменности, обслуживавший потребности делопроизводства и дипломатии в двух государствах в конце XV – начале XVI вв., достоянием разных языковых систем или разных идиомов одного языка (см. об этой проблеме: [2]; мы считаем, что в посольских речах отражены две разные языковые системы).

Посольские речи относятся к жанрам дипломатической коммуникации. К посольским речам примыкают *памяти* послам, то есть указы правителя, и *статейные списки*, содержащие донесения послов и описания церемониала. Посольские речи как вид источника включают в себя, собственно, сам текст, озвучиваемый послами, а также – далеко

не всегда – этикетное обрамление этого текста. Какую классификацию дискурсов мы ни выбираем (официальный и неофициальный, институциональный и межличностный; описание дискурсов через способ осуществления коммуникации и др.), мы всякий раз приходим к пониманию полидискурсивной природы посольских речей, выявление особенностей которой является целью данного доклада.

Полидискурсивность выделяет посольские речи на фоне деловых памятников других жанров. Она обусловлена тем, что любая посольская речь – это «текст в тексте»; это вторичный текст, в котором представлены несколько голосов. Посольские речи фиксируют весьма пространственные устные диалоги, имеющие разную модальность и интенцию (прения, убеждения, заверения, упреки и др.). Адресант, как правило, не совпадает с лицом, озвучивающим этот текст, а адресат – с тем, кто текст непосредственно воспринимает. Это отражается в языковом упоминании.

Обратимся к материалам посольства московского великого князя Иоанна Васильевича к литовскому великому князю Александру и ответного посольства (1494–1495 гг.) [1, с. 147–148]. Первая речь имеет следующий заголовок: *Посольство отъ Великого князя Московского Ивана Васильевича къ великому князю Александру Литовскому; а се говорилъ Третьякъ Долматовъ*. У текста обычная для посольской речи композиция (отсутствие приветствия и прощания; повторение формулы, связывающей текст и вводящей прямую речь, «кто – кому – вельгель говорити»). Приводим текст с сокращением:

Иоаннь, Божьею милостью государь всея Руси и великий князь, тобъ великому государю Александру вельгель говорити: Прислалъ еси къ намъ гонца своего Яна Кгедройтева, съ своимъ листомъ, а въ листу своемъ пишешъ къ намъ: пришла дей къ тобъ вѣсть, што Мендли-Кгерей царь Перекопский тянетъ со всею своею силою къ украинамъ вашимъ великого княжества Литовского и хочетъ шкоды чинити; и намъ бы, по нашему съ тобою доконьчанью, тобъ, брату своему, помочь учинити.

Иоаннь, Божьею милостью государь всея Руси и великий князь, вельгель тобъ говорити: Ино мы къ Мендли-Кгерей царю, на сей веснь, съ своими людми и съ его людми приказали, што... <...>

А пойдетъ на тебе Мендли-Кгерей царь, и мы, какъ на томъ тобъ брату своему молвили и какъ межи насъ въ докончаньѣ написано, на томъ стоимъ и хотимъ тобъ помочь учинити.

Иоаннь, Божьею милостью государь всея Руси и великий князь, велель тобъ говорити: И мы здѣсь воспрашивали твоего гонца Яна: Мендли-Кгерей царь Перекопскій съ Перекопа вышелъ ли, и къ которымъ твоимъ украинамъ идетъ? <...>

Иоаннь, Божьею милостью государь всея Руси и великий князь, велель тобъ говорити: И ты бы къ намъ отказалъ: Мендли-Кгерей царь съ Перекопи вышелъ ли, и къ которымъ украинамъ твоимъ идетъ, и въ которые дни чае его прихода? штобы еси, братъ нашъ, про то вѣдомо учинилъ, какъ тобъ намъ помочь учинити.

Посол передает слова государя от первого лица и обращается не к другому послу, но прямо к Александру: *И мы здѣсь воспрашивали твоего гонца Яна; И ты бы къ намъ отказалъ* и др. При пересказе послания Александра употребляется частица *дей*, что традиционно для старорусской деловой речи: *а въ листу своемъ пишешъ къ намъ: пришла дей къ тобъ вѣсть*. Не располагая текстом этого послания, можем предположить, что выражение *шкоды чинити* извлечено из него. Слово *шкода*, древнее славянское заимствование из германских языков, часто используется в посольских речах Александра (см.: [2, с. 134, 162, 174]), однако для высказываний от лица Ивана III оно не характерно. Это слово, собственно, и закрепилось в старорусском языке в результате контактов с Великим княжеством Литовским и Польской короной.

Ответная речь Александра, значительно меньшая по объему и также лишенная «этикетной рамки», озаглавлена так: *Отказъ послу великого князя Ивана Васильевича Третьяку Долматову*. Приводим ее с сокращением.

Што братъ и тестъ нашъ, великий князь Иванъ Васильевичъ, всказалъ до насъ, што есмо посылали до него зъ нашимъ листомъ дворянина нашего Яна Кгедройтя, о цари Мендли-Кгерей Перекопскомъ, што дошли были насъ слухи, ижъ онъ тягнетъ со всеми силами своими къ нашимъ украинамъ великого князства Литовского... ино братъ и тестъ нашъ, великий князь, черезъ тебе къ намъ всказалъ: на чомъ съ нами мовилъ и какъ межи нами въ докончаньи написано, въ томъ стоитъ и хочетъ намъ противъ тому поганьству помочь вчини-ти. <...>

...Ино мы брату и тѣстю нашему, великому князю, за то дякуемъ, ижъ намъ докончанье держитъ, и на чомъ съ нами мовилъ, въ томъ стоитъ <...>

А што братъ нашъ всказалъ къ намъ, абыхмо ему дали въдати о цари Мендли-Кгерей: вжо ль вышоль будетъ съ Перекопа? ино, тыми разы, наши украинники къ намъ отписали, штожъ царь Мендли-Кгерей къ Днѣпру еще не пришоль; а потомъ которыи слухи къ намъ о намъ дойдуть, и мы брата и тѣстя нашего нашымъ посломъ обошлемъ.

Посол Александра также говорит «от первого лица», однако при этом обращается к послу, а не к Ивану III: *братъ и тѣсть нашъ, великій князь, черезъ тебе къ намъ всказалъ*. Московский государь оказывается не адресатом сообщения, а бенефактивом, то есть лицом, в чьих интересах осуществляется действие, в том числе коммуникативное (отметим, что обращение «напрямую» к великому князю тоже широко представлено в посольских речах Александра, то есть выбор адресата/бенефактива не связан с какой-либо дипломатической традицией).

При пересказе слов русского посла в речи посла великого князя Литовского происходят лексико-фонетические замены. Если в речах Третьяка Долматова употреблена форма *молвили*, то в ответе посла Александра – *мовили*. Именно форма *мовити* частотна в посольских речах и наказах великого князя Литовского. Такое употребление мы рассматриваем как пример взаимодействия дискурсов: пересказ чужого текста осуществляется с незначительным «перекодированием» его под систему родного языка одного из коммуникантов. Таким же образом глагол *учинити* трансформируется в глагол *вчинити* при пересказе речи московского посла – т. е. используются омолексы.

Ответ Александра незначительный по объему, поэтому в нем нет соединяющего фрагменты текста повтора, как в речах Ивана III. В других посольских речах Александра такой повтор также представлен: *<Господаръ нашъ> Александръ, Божьею милостью великій князь <Литовскій> всказалъ* (единичные случаи – *велгль тобъ говорити*, как в текстах посольских речей московского государя). Обратим внимание на номинацию правителя – *господаръ*. Александр в своих посольских называется *господаръ* или *господарь*, а Иван III в своих посольских речах – *государь* (эти названия используются наряду с титулом *великий князь*, который, естественно, применим к обоим). Рассмотрим примеры из записи посольства Александра Ягеллончика Ивану III, состоявшегося до сентября 1493 г. Московские послы называли *государем* и Ивана III, и Александра: *Што еси намъ говорилъ*

отъ Яна бискупа Луцкого и от Миколая Радивиловича..., што государь вашъ Александръ хочетъ слати до нашего государя своихъ великихъ пословъ на то, штобы далъ Богъ, межи государей... и намъ на своемъ государь довѣдаться того [1, с. 133]. Послы Александра, если речь шла в одном контексте об обоих правителях, употребляли слово *государи*, например: *Што первѣй всказывали до тебе, абыхмо на обѣ сторонѣ похотѣли добра межи государи нашими, и вы бы тамъ, а мы здѣсье ...* (многоточие в издании – О. З.), *как бы межи тыми великими государи была любовь и dokonчанье и всякая добрая згода [там же].* Если же речь идет об одном и о другом правителе по отдельности, то послы Александра употребляли разные номинации: *А притомъ всказалъ еси, ижъбы въ тыхъ дѣлѣхъ великіи послы отъ нашего государя были посланы къ вашему государю: ино мы здѣсье тое дѣло принесли до государя нашего, и государь нашъ великій князь Александръ хочетъ слати своихъ пословъ въ тыхъ дѣлѣхъ до вашего государя... [там же].* Представители Александра последовательно употребляли разные слова и для обозначения послов двух княжеств, например: *...и ты бы на тые дѣла слалъ своихъ бояръ, а мы своихъ пановъ тамъ сошлемъ [1, с. 139].*

Выступления послов, по сути, являлись устным эквивалентом деловой переписки. В посольских речах обнаруживаются элементы эпистолярного дискурса. В проанализированном корпусе это явление наблюдается только в посольских речах Александра, причем обращенных не к послам московского государя, а к послам других правителей, и такие примеры немногочисленны. Начало посольской речи королю Яну Ольбрахту (1492, 23 сентября) [2, с. 122]:

Наяснеѣший Яне Олбрахте, королю Польскій! Братъ вашео милости Александръ, зъ Божьео ласки великій князь Литовскій, Рускій, Жомойтскій и иныхъ, панъ нашъ намилостивший, казалъ вашей милости поклонитися и пріязнь братскую повѣдитъ, и казалъ вашу милость поздоровитъ на томъ столцы коруны Польскоо...; а здоровье щастное и размноженье всего доброго вашео милости и звитязство над неприятели вашео милости радъ былъ завжды слышать и видѣть, яко брата своего старшого и намилѣйшого. А далей казалъ вашей милости брату своему повѣдити, ижъ то есть вашей милости памятно...

В приведенном фрагменте представлен эпистолярный зачин, обычный для писем восточных славян (варьируется стиль, но смысло-

вые блоки неизменны). Такой зачин широко представлен в старорусской переписке, и мы предполагаем, что подобная «этикетная рамка» была хорошо известна и послам московского государя. При этом протокол обращения к польскому послу и языковые особенности текста отличаются от тех, которые свойственны посольским речам, адресованных Ивану III (здесь: обращение на *вы*; инфинитивы на *-ть* и др.).

Еще один пример – зачин посольской речи от Александра к хану Шихъ-Ахмату (1500, ноябрь) [1, с. 212]:

Отъ великого князя Александра поклонъ.

Што еси, братъ нашъ, присылалъ къ намъ своихъ пословъ, князя Обдулу, а князя Акчару, а Кулука богатыря, нашего здоровья отвъдывая, а свое намъ повъдая: ино мы, хвала Богу, на тотъ часъ въ добромъ здоровью, а твое здоровье брата нашего слышавши радовалися есмо.

В посольских речах взаимодействуют частный и официальный дискурс, так как участниками переговоров нередко выступают лица, находящиеся в родстве. Так, король Ян Ольбрахт был братом Александра, а дочь Ивана III Елена была выдана за Александра замуж. Отсюда использование средств интимизации общения, эмоционально-экспрессивных конструкций, нарушающих ровность стиля дипломатической речи. Приведем фрагмент посольской речи Ивана III его дочери (1496, 19 мая) [1, с. 161]:

Отець твой, госпоже, велѣлъ тебѣ говорити.

Сказывалъ ми Борисъ Кутузовъ..., что еси говорила съ ними, что князь великій да и панове думаютъ <...>

*...Ино, дочи, слыхалъ я, каковое было настроеніе в Литовской земли, коли было государей много; а и въ нашей земли, слыхала еси, каково было настроеніе при моемъ отцѣ... надѣюся, слыхала еси, а иное и сама помнишь. И только Жигимонтъ будетъ в Литовской земли, ино вашему которому добру быти? И язъ приказываю то къ тебѣ, того дѣля, что еси дѣтя наше, и что ся не по тому ваше дѣло начнетъ дѣлати, и мнѣ того жаль... (концовка текста – призыв-оптатив, прощание, как и приветствие, отсутствует: *и ты бы говорила съ нимъ отъ себя, а не мою речью; да и ко мнѣ бы еси о всемъ отказала, каково ваше дѣло*).*

При этом частной тематики в посольских речах, разумеется, нет.

В проанализированных источниках выявлены следующие формы взаимодействия разных видов дискурса.

1. Пространный пересказ чужого текста – посольских речей другой стороны, приводящий к воспроизведению чужого делового стандарта. При этом языковые средства текста-источника в новом тексте могут заменяться омологами, а специальные номинации типа *панове/бояре, господарь/государь* сохраняются.

2. Несовпадение параметров «адресант/транслятор информации» и «адресат/бенефактив», связанное с самой ситуацией дипломатической коммуникации. Прямая речь при передаче послами слов князей в посольских речах значительно преобладает над косвенной.

3. Нередкое «вкрапление» частной тональности в официальное общение. Сфера «частное – официальное» в средневековой коммуникации требует изучения; предварительные наблюдения (в том числе над эпистолярными текстами) обнаруживают актуализацию нескольких социальных ролей участников регламентированной коммуникации.

Библиографические ссылки

1. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: [в 5 т.]. Т. 1. 1340–1506. СПб. : Тип. II Отд-ния Собств. Е. и. вел. Канцелярии, 1846.

2. Циммерлинг А. В. Контакты и конфликты в языке посольских книг Ивана III // Язык в глобальном контексте: языковые контакты и языковые конфликты в современном мире : сб. науч. тр. М. : ИНИОН РАН, 2021. С. 81–102.

МОТИВИРУЮЩЕЕ СУЖДЕНИЕ КАК СПОСОБ ЭКСПЛИКАЦИИ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ СЛОВА

А. И. Ковалева

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, kowalowa_anna@mail.ru*

Доклад посвящен вопросу о способах экспликации внутренней формы слова, релевантных для ее сопоставительного изучения на материале русских и белорусских переводных соответствий. Морфемная и словообразовательная структура слова, а также мотивирующее слово и мотивирующее суждение подвергаются сравнению с точки зрения того, представляют ли они собой базу, достаточную для отражения проявлений различия внутренних форм переводных соответствий. Отдельное внимание уделяется способам построения мотивирующих суждений и возможности их сопоставления.

Ключевые слова: внутренняя форма слова; мотивирующее суждение; морфемная структура слова; словообразовательная структура слова; мотиватор.